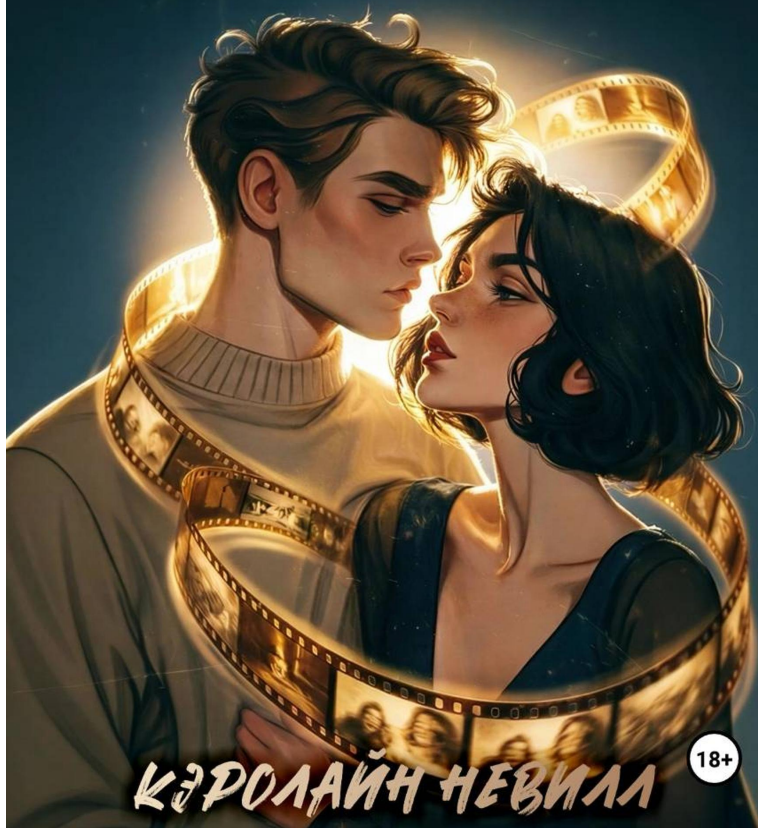

ЗА ГРАНЬЮ КАДРА

КАРОЛАЙН НЕВИЛЛ

18+

Кэролайн Невилл

За гранью кадра

<https://litres.ru/73864268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ошибка, которую невозможно исправить, разводит Оуэна и Кейтлин по разные стороны. Они вместе платят за прошлое, каждый по-своему: один - тишиной и потерей свободы, другая — одиночеством и чувством вины. Их разделяют долгие месяцы и боль, которую невозможно заглушить даже любимым делом. Но когда судьба снова сводит их вместе, им предстоит решить: готовы ли они начать сначала, если их история уже подошла к финальным титрам? Чтобы продолжить свой фильм, придётся заглянуть за грань кадра — туда, где кончаются слова и начинается настоящая любовь.

Содержание

Глава 1. Кейтлин	4
Глава 2. Оуэн	20
Глава 3. Оуэн	35
Глава 4. Кейтлин	47
Глава 5. Оуэн	61
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кэролайн Невилл

За гранью кадра

Глава 1. Кейтлин

У каждого кино есть свой конец. Однако ты не всегда можешь знать, когда наступит та точка невозврата, которую оставил на своих зрителей режиссёр и сценарист. Даже когда актёры безупречно сыграли свои роли и рассказали историю такой, какая она есть, всё может перерасти в глухой антракт. Встать на паузу. Кино – это не просто другая жизнь, а её отражение. В любой момент всё может измениться до неузнаваемости, и ты никогда не сможешь быть к этому готов.

Не конец. Не распутье.

Замедление. Пауза.

Словно один из ассистентов, не желая встретиться с финалом лицом к лицу, открыл хлопушку, и та упала с пронзительным и глухим звоном. Удар, что касается всех безоговорочно. Тебя не спрашивают, ты становишься в эпицентре хаоса вместе со всеми, не зная, что делать дальше.

Но что, если ты сама стала тем самым хаосом? Разрушающим и болезненным?

— Это не может быть правдой, Кейтлин. Сейчас включит-

ся вспышка и всё встанет на свои места.

Я задыхалась. Воздуха катастрофически не хватало, и я держалась руками за сердце, словно по щелчку пальцев оно могло исцелиться.

Перед глазами простилался черный экран.

Мысли в голове притупились. Их было слишком много, что я не могла угнаться хотя бы за одной. Но лишь одна единственная фраза билась по вискам с оглушительной силой.

«Это твоя вина. Твоя вина. Твоя вина».

Разум кричал из-за всех сил, перебивая сердце. Оно было беспомощно в этой битве.

Я хотела кричать. Бить кулаками об стену. Рыдать на последнем издыхании, пока не станет совсем невыносимо. Мне нужно было почувствовать хотя бы что-то. Убедиться, что я ещё жива.

Только вместо этого по щеке скатилась одинокая слеза. Она задела щёку, подбородок, а затем потерялась в серебряных блёстках на платье.

Свет несколько раз моргнул, от чего я всё же пришла в чувства.

Мне не хотелось помнить, как я здесь оказалась, но всё до мельчайших деталей засело глубоко внутри. Ладони крепко вцепились в жесткие подлокотники, а взгляд вернулся к женщине, что сидела напротив меня. Серые стены давили со всех сторон, от чего я и вовсе боялась пошевелиться.

— Мисс Мэллори. Нам нужны ваши показания.

Голос прозвучал ровно и серьёзно. Женщина средних лет в форме с усталыми глазами снова прокрутила пальцами ручку, указывая на лист подле себя. Он не был пустым. В нём были какие-то заметки.

Сколько я просидела здесь? Полчаса? Час? Вечность?

Казалось, что все обрывки событий перепутались между собой.

— Я уже всё рассказала, — услышав свой голос, теперь такой чужой и отстранённый, я вздрогнула.

— Боюсь, что это не так. Вы говорили многое. Повторите ещё раз.

Диктофон тихо шипел, нарушая тишину. Вокруг было сыро и холодно. Одна из стен была сделана наполовину из тонированного стекла, чтобы можно было следить за тем, что происходило в комнате допроса. Ты один, но под пристальным присмотром.

Я прикусила губу.

Когда во рту появился металлический привкус я всё равно ничего не почувствовала. Это походило не на боль, а вкус предательства. Именно так он и ощущался. Так пусто и в то же время невыносимо отвратительно.

Я облажалась. Облажалась настолько, что снова предала того, кого искренне любила. Сначала Стивен, а затем и Оуэн.

Воспоминание о нём обожгло меня. Я зажмурилась до искр и холодных мурашек.

В горле комом стояли мои слова, брошенные ему от отча-

нения. Я не хотела. Не хотела, чтобы всё привело нас именно к этому. Каждая моя чертова клетка тела изнывала от того, что я позволила себе сыграть на его доверии. Он не заслуживал таких громких и ужасных фраз.

Оуэн не заслуживал меня.

Не заслуживал мир, который был с ним так жесток.

— Я люблю тебя.

Мой шепот заставил меня проснуться от глубокого и страшного сна, чтобы понять, что из него уже невозможно выбраться.

Я встретила взглядом со следователем. Она непонимающе уставилась на меня. Я рассыпалась на части и единственное, чего мне хотелось, чтобы всё стало как прежде. Мне хотелось вернуться в объятия Хартманна и никогда из них не выбираться.

Я хотела защитить. Защитить их обоих, но сделала только хуже. Не знаю сколько раз я успела сказать, что во всём есть моя вина: что это моя идея, что Стивен просто проходил мимо, что Оуэн ничего не знал. Каждое моё слово теперь виделось на черновике. Оружие против них. Против нас.

— Давайте проясним момент. Вы будете говорить о мистере Харрисе как о вашем любимом человеке или преступнике? Это важно для вас и протокола в целом.

Хартманн. Оуэн всегда был для меня Хартманном с живым и чистым сердцем.

Губы невольно приоткрылись, но я тут же остановилась.

Слёзы покрасились в чёрный из-за туши. Я не убирала их, нарочно не желая больше притворяться.

— Я не знаю, — выдохнула я. — Я не знаю.

Ложь. Я знала. Знала, что люблю его. Знала все его недостатки и достоинства. Знала его прошлое и настоящее. Мне стоило только соединить всё в одну правду.

— Мисс Мэллори.

— Я запуталась, ясно? Всё слишком сложно.

Передо мной стояло счастливое лицо Оуэна на яхте вместе с закатным солнцем в Сиднее. Только светлая сторона сменилась на тёмную сейчас в Чикаго.

— Вы не ответили на вопрос.

— Я хочу домой.

Слова прозвучали так по-детски, что мне стало слишком тошно от самой себя.

— Тогда вам придется дать показания.

— Какая к черту разница? Если я скажу, что он виновен, то вы посадите его? А если нет, то просто так отпустите?

Следователь не ответила, только продолжила смотреть на мои безумные и опухшие глаза.

Я опустила взгляд на руки. Они дрожали. Нижняя губа саднила, но я сильнее вжалась в неё зубами, чтобы не закричать.

— Любимый человек, — выждав секундную паузу я почти взвыла. — Он не преступник. Это неправда. Вы должны это понимать. Разве вы не видите?

— Чтобы во всём разобраться нам нужна достоверная информация. Мы стоим на одно и том же месте из-за того, что вы сами неуверенны в том, что говорите. Стивен Мэллори, как и Оуэн Харрис замешаны в противозаконных действиях.

— Потому что я путаюсь! Вы бы не путались? Если быесли бы

Я не понимала, почему стала заикаться и сбиваться.

— Если бы что, мисс Мэллори? — следователь склонила голову.

— Если бы вы любили их обоих.

Женщине не было дела до моей трагедии и того, что по-настоящему творилось у меня на душе. Её задача состояла в том, чтобы отыскать правду. Но что, если эта правда тоже была от меня скрыта?

После непродолжительной паузы и нескольких написанных черт она всё же тяжело выдохнула.

— Я зафиксирую всё в протокол. Можете быть свободны.

Мне помогли подняться. Сил совсем не было, ноги почти волочились по холодному бетону. Весь мир впереди путался и несколько раз я чуть не споткнулась. Мужчина придержал меня за локоть, сильно вжимаясь в кожу. Я всё равно не обратила на эту боль никакого внимания.

Только сердце терзалось от невыносимого страха.

Когда после темного и пустого коридора я увидела камеры, всё внутри меня сжалось. Их было две. Они стояли чуть поодаль друг от друга.

Я сделала решительный шаг.

На скамье склонив голову сидел мой брат. Он слышал чужие шаги, но всё равно не поднял своих тёмно-синих как у меня глаз. Его пальцы вцепились в волосы, словно желая вырвать их с корнями. Нас разделяла только железная решётка и годы молчания. Мы знали, что этого всё равно недостаточно. Всегда было недостаточно, чтобы снова стать ближе друг к другу.

Я чувствовала его ярость, как чувствуют затишье перед бурей. Сейчас передо мной словно снова сидел тот маленький потерянный мальчик из детского дома, желающий обрести лучшую жизнь. Когда же его дорога снова свернула не туда?

— Стивен

Он не поднял на меня своего взгляда, но вздрогнул, как от мощнейшего выстрела. Брат молча помотал головой из стороны в сторону и тихо заплакал.

Конвойный дёрнул меня за локоть.

— Дальше.

И как бы сильно я не хотела задержаться, меня уже волокли вперёд. Я не сопротивлялась.

Через пару метров показалась вторая камера точь-в-точь, как предыдущая, но от неё сильнее бросило в дрожь. Я узнала эти крепкие плечи в полумраке, три родинки у уголка губ и светлые взлохмаченные волосы.

Я думала, что парень будет злым. Думала, что он будет

кричать и проклинать моё имя громче всех. Он имел на это право.

Но Оуэн не кричал.

Он сидел, прислонившись спиной к бетонной стене и смотрел в одну точку. Глаза пустые и разбитые. Его тело было также облечено в чёрный смокинг, как человек, которого поглотила тьма. Лицо — белое, как бумага, но только без слов и мыслей. Не уничтоженный. Хуже. Раздавленный.

От увиденного у меня подкосились ноги, и я рухнула коленями вниз. Издав приглушённый и сдавленный стон, я сжала руку в кулак и приложила к груди, чтобы отдышаться. Я не хотела выглядеть слабой и жалкой, но весь мой вид кричал именно об этом.

Холодный взгляд прожёл тело. Его серые глаза встретились с моими. Они стали пустыми, такими же, какими я запомнила их в самый первый раз, когда его увидела.

— Оуэн.

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Он смотрел на меня. Такую ничтожную и падшую. Внутри него было так темно, что я не смогла разглядеть и знакомого света.

— Кейтлин, — твердо и безжизненно произнёс он. Моё имя из его губ прозвучало так грубо, словно он прощался, не давая своей стойкости сломаться передо мной.

— Оуэн, прости меня, — прошептала я, хотя знала, что это ничего уже не изменит между нами.

Хартманн ничего не ответил. Он не метался из стороны в сторону, был сосредоточен на мне. Он будто бы мысленно спрашивал меня об одном — «Что же ты сделала с нашей любовью, Кейтлин?»

Сердце бешено забилося и каждый удар только сильнее приближал его к тому, чтобы окончательно разбиться вдребезги.

Меня вывели на улицу, оставив наедине с пустотой, и только образ Оуэна был рядом со мной, как непоколебимое напоминание о том, что мне ничего не исправить. Есть ошибки, что не терпят прощения, и моя — одна из них.

Весенний вечер разил теплотой, но я вся продрогла до костей. Казалось, что больше никто и никогда не сможет меня согреть кроме меня самой.

Отпечатки от прикосновений Оуэна всё ещё саднили кожу. Я хотела сохранить каждый из них до тех пор, пока не перестану дышать. Оуэн сделал меня живой. Настоящей.

Небо было беззвездным, таким же молчаливым.

Я стояла на парковке, обнимая себя за плечи и не зная куда идти.

Раньше я считала одиночество своим спасением, которое непременно приведёт меня к своей мечте. Но я ошиблась, ведь именно оно стало моим самым худшим наказанием.

Ноги сами принесли меня к знакомому месту. Я не вглядывалась в экран своего телефона, чтобы вызвать такси и в безопасности вернуться в коттедж. Мне было плевать, что

будет со мной и смогу ли я выбраться, если со мной что-то случится.

Я не помнила дороги. Помнила только, что плакала — без звука, без сил, только слёзы текли по щекам и падали на платье, оставляя тёмные пятна. Но капель стало ещё больше, когда надо мной сгустились тучи и первый в этом году дождь обрушился на город.

Если одни люди верили в ангелов, что оберегали их, то сейчас я точно была уверена, что моим был самый неумелый и неудачный режиссёр, решивший добавить для паршивого настроения каких-то спецэффектов, которые могли бы говорить лучше любых слов. В стиле самых дешёвых кинокартин.

— Если в твоём чертовом сценарии есть ещё испытания, то дерзай! Мне больше нечего терять! — взмолилась я к небу. Может быть, Бог просто издевался надо мной, когда моя жизнь стала изуродована с самого начала.

— *«Но я послал тебе любовь, чтобы ты исцелилась»*, — прошептал мне кто-то в ответ, и я едва смогла прийти в себя.

Было ли это моё сознание или голос свыше, но он чертовски был прав. Значило ли это, что я действительно не способна на искренние чувства?

Я ходила кругами, боясь вернуться в то убежище, куда привела за собой Оуэна.

Волосы до нитки промокли, а тело существовало уже отдельно от моего разума. Мне хотелось просто залечь на мок-

рую землю и больше ничего не ощущать. Никогда.

В один момент мимо меня прошла тень. Хрупкая. Знакомая.

На крыльце стояла Холли. В черной футболке и джинсах, растрепанная, без макияжа. Она уже всё знала — это было видно по глазам. Красным, пухшим, но сухим.

Наверняка уже каждый репортер успел сделать фотографии для телевидения и газет. Новости распространялись слишком быстро, особенно те, что касались криминальных происшествий в Чикаго.

И вот, прямо сейчас перед этой девушкой стояла та самая катастрофа, обрушившаяся на её брата.

Я замерла на дорожке. Хотела что-то сказать — и не могла. Язык прилип к нёбу.

— Холли, — всё же сорвался голос.

Она смотрела на меня. Долго. Это походило на пощёчину в замедленной съёмке. Фальшивую, но такую осязаемую.

Я видела всё в её лице — борьбу и в то же время желание отвернуться, сказать что-то болезненное, потому что это было бы легче. Легче ненавидеть. Легче обвинять.

Но она не сделала ничего из того, что пронеслось в моей голове.

И когда мои глаза наполнились слезами — новыми, горячими, бесконечными, она шагнула вперёд. Из её губ вырвался всего один вопрос:

— Почему?

Эти слова были адресованы не только мне, но и Оуэну. Мы вдвоём были соучастниками — я предателем, а он отчаявшимся потерпевшим. Он признался в своём самом страшном грехе, чтобы сделать не только больно себе, но и мне.

— Я ненавижу себя. Ненавижу его. Ты слышишь? Мы во всём виноваты. Всё слишком идеально начиналось, как в самом романтическом фильме. Мы не должны были оказаться здесь. Не должны.

— Всё будет хорошо, Кейтлин, — сказала Холли.

Впервые за весь этот паршивый день кто-то оказался рядом и произнёс то, что мне так необходимо было услышать, пусть это и походило на простую иллюзию.

— У нас не получилось.

— Нет. Мы справимся.

Она произнесла это так тихо и искренне, что я едва могла поверить.

Я посмотрела на неё.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. Потому что я уже была на твоём месте. Не так, но достаточно близко, и справилась. Не сразу, но справилась.

Впервые за столько лет девочка внутри меня ожила и сильнее разрыдалась как ребёнок, которого наконец пожалели.

Холли осталась со мной до самой ночи. Она не оставила меня.

Мы не говорили. Не ели. Просто сидели на кухне под шум

телевизора, чтобы не пропустить ничего важного. Иногда Холли ставила передо мной чашку с чаем, но я не могла даже смотреть на еду.

Ближе к полуночи я провалилась в сон. Прямо на диване, в дрянном промокшем платье, не смыв с лица остатки туши.

И мне приснился кошмар.

Я шла по бесконечному коридору: белые стены, белый пол, белый потолок и две проволочные двери, за которыми никого не было. Пустые камеры. Я подбежала сначала к первой, а затем и ко второй. В каждой из них не виднелось ни одной живой души. Я звала Оуэна и Стивена, но только эхо возвращало обратно мне мой голос.

А потом я оказалась в спальне, в нашей с Оуэном спальне, где рвала ткани, а вместе с ними и часть своих последних платьев для показа.

Я проснулась не сразу, а от собственного крика и рванного звука. Я стояла посреди комнаты и сжимала в руках кремовый шёлк и ножницы. Всё было разорвано от ворота до подола.

— Кейтлин.

Холли стояла в дверях. Сонная, испуганная, но спокойная. Она осторожно обошла меня, и когда ножницы с треском упали на пол, девушка резко и крепко обняла меня.

— Это не я.

Я сходила с ума от ожидания и неизвестности, которая ждала меня впереди. Мой верный и бесконечный круг ада

затягивал меня всё дальше к себе.

— Остановись, — сказала Холли. — Не нужно.

— Я. я не знаю, зачем...

Я посмотрела вокруг — все мои эскизы были разбросаны вместе с обрывками тканей. Бархат, шифон, хлопок. Среди всех этих обрывков я видела сломанную себя. Ту девушку, которая шила костюмы для чужих ролей. Которая верила, что может сшить счастье по мерке. Которая думала, что, если сделать всё красиво, аккуратно, по правилам — никто не пострадает.

Но ткань рвётся. Неважно, как красиво ты её скроила.

На мгновение Холли отстранилась и мягко, но решительно взяла меня за запястья.

— Не нужно больше ничего рвать.

— Я не могу.

— Можешь. Я здесь.

Она отвела меня подальше от шкафа и усадила на пол, прямо посреди осколков ткани рядом с собой. Холли взяла мои руки в свои — ледяные, дрожащие.

— Смотри на меня, — велела она. — Дыши. Вместе со мной.

Я боролась. Боролась со своими мыслями, страхами, с безнадежной любовью. Я повторяла цифры за Холли от десяти до одного. В ушах звенело, но знакомый и родной голос всё ещё держал меня на плаву.

Я дышала. С каждым выдохом где-то внутри утихала боль.

Она не исчезала, не проходила бесследно. Но переставала быть смертельной.

— Я всё испортила, — прошептала я.

— Невозможно всё испортить, — возразила Холли. — Кое-что — да. Но не всё.

— Они ненавидят меня.

— Возможно.

— И ты должна.

— Возможно, — Я всхлипнула. — Но я не ненавижу, — закончила Холли и посмотрела на меня совсем не так как должна была. С нежностью и теплом. — Потому что ненависть не поможет. Ни им. Ни тебе. И я помню, каково это — стоять на твоём месте. И выбирать. И проигрывать.

Я молча кивнула, всё ещё чувствуя себя самым настоящим врагом, особенно для неё. Она только встретила своего брата, и я так безжалостно отобрала его у Холли своим эгоизмом.

— Ты слишком добра ко мне. И Оуэн. Он тоже всегда видел во мне только хорошее.

Глаза были на мокром месте и веки едва приоткрывались под приглушенным мерцанием лампы.

— Тише, Кейтлин.

Она помогла мне подняться и довести до кровати. Моя грязная одежда сменилась простой пижамой. Холли укрыла меня пледом, а сама легла в кресле напротив, боясь оставить меня одну хотя бы на мгновение.

За окном светало.

Последнее о чём дрогнуло моё сердце перед тем, как я закрыла глаза — был холод. Тот холод, от которого я так отчаянно бежала после ухода Стивена и встречи с Оуэном. И тогда я поняла, что с этого момента каждый мой день будет начинаться с мысли о них и заканчиваться тоже, пока наши пути вновь когда-нибудь не пересекутся.

Глава 2. Оуэн

Сценарист, как и писатель умирает ровно в тот момент, когда от его идей отрекаются окружающие или же он сам.

В своей жизни я писал множество зарисовок и чернови-ков, желая обрести для себя тот самый финал, который мог быть приближен к моему собственному. Я делал из себя ге-роя, что пробирался сквозь все трудности и испытания. Не было ничего, что я бы не смог преодолеть. И нет, я не писал фантастику, где все проблемы решались магией, но всё же один секрет крылся в моих сценариях.

Это была любовь. Чистая. Невинная. Настоящая.

Разве существует что-то поистине сильнее этого чувства?

Меня всегда спасала любовь. Моих героев. Они нужда-лись в тепле, боролись со тьмой и несмотря ни на что всё равно возвращались к ней.

Я не умел любить и не был уверен, что когда-то и мне до-ведётся испытать что-то подобное. То, что нельзя объяснить простыми словами, написать на листе бумаги и даже снять на объектив. Нечто невесомое, но настолько осязаемое. Я всё время писал, черт возьми, о том, что не было мне знакомо. Только сердце подсказывало путь. И, как бы странно это не звучало, но именно оно и привело меня к ней.

К моей Кейтлин. К девушке с вечно холодными руками и синими как темная ночь глазами. К девушке с ненавистью к

кино. К девушке, чьё сердце никогда не оберегали.

Я мог считать эту встречу издёвкой судьбы и выбросить эту идею как можно дальше из головы, но моя душа тянулась к ней с каждой встречей только сильнее. И тогда я стал рассказывать нашу с ней историю, не зная, чем обернется завтрашний день. Я говорил о нашем прошлом, о тех событиях, что мы вместе пережили. Это должна была стать одна из прекрасных биографических кинокартин.

Пока любовь наоборот не убила нас двоих.

Мы исцелили друг друга, чтобы сильнее разрушить.

И тогда я осознал, что не каждой любви суждено случиться, а значит все мои сценарии лишь выдумка сумасшедшего.

Я раскрыл глаза.

Потолок здесь был низким.

Глаза почти всё время смотрели вверх, на грязно-белый потолок с трещинами. Он напоминал мне лист бумаги, скомканный и истерзанный карандашом. Разум искал что-то знакомое там, где ничего не было, просто потому что не мог выдержать пустоту.

Камера была холодной и вязкой. Я тяжело вздохнул, сильнее прижавшись к стене, по которой дул сильный ветер. Во мне больше не было тепла, так что холод почти не задевал моё тело. Оно привыкло к такой безысходности.

Наверное, я перестал дрожать час назад. Или три. Или сутки. Время здесь текло иначе — медленно и тягуче, и я увязал в нём всё глубже.

Рядом не было ничего, что могло бы предопределить меня: ни стола, ни ручки, ни белоснежных яхт, ни запаха океана, ни света кинолент.

Даже если бы я хотел изложить всю свою боль — не на чем. Негде. Никто не прочитает. Никто не узнает. Я мог кричать, но стены были толстыми. Я мог молчать, но молчание и без того убивало меня изнутри.

Проклятые мысли заменяли боль.

Мысли о ней.

Сколько я мог продержаться, не думая о ней?

Оказалось, что тринадцать секунд, потому что на четырнадцатой я уже видел её лицо. Не таким чужим и отстранённым как в резиденции под вой и гул сирен. А таким, каким я запомнил его в один из лучших вечеров.

Вспышка заискрилась перед глазами.

Был поздний вечер, когда мы с Кейтлин занимались любовью и смотрели фильмы. Это стало нашей маленькой традицией, нашим языком тела и души. То кино оказалось длинным и скучным, что я даже не запомнил названия. В тот день я доверил выбор Кейтлин. Мне хотелось, чтобы она не посчитала это знаком. Через полчаса просмотра её голова уже упала мне на колени, а волосы небрежно упали вниз. Я гладил её черные локоны.

— Эй, дьяволица. Ты спишь, потому что на небе засветила луна?

— Нет, — забормотала она. — Я просто закатила гла-

за.

Я усмехнулся, укутав её в свои объятия. Кейтлин вздохнула и устроилась удобнее — свернулась калачиком и поджала ноги.

— Оуэн?

— М-м-м?

— Ты тоже смотришь?

— Смотрю.

— А какой там сейчас момент?

Я взглянул на экран. Вместо диалогов и фигур актёров камера была направлена на окно, по которому стекали капли дождя. Простой и наглядный приём, чтобы изобразить чувства через природу. Но я увидел всё совсем иначе.

— Главный герой думает, — говорит он.

— О чём?

— О том, как ему повезло.

— С чего ты взял?

— Потому что я на его месте думал бы о том же.

Девушка тихо зевнула.

— Значит эта девушка будет самой счастливой.

— Ты права. Она уже счастлива.

Кейтлин могла не догадываться, но я говорил о ней. Я был её главным героем, что сходил по ней с ума и был готов на всё, чтобы каждый день со мной был её самым любимым

Спустя пару минут она засопела, сжимая моё запястье в своём. Я собирался оставить этот момент в своей памяти

как можно подольше, чтобы не забывать.

Я улыбался и продолжал смотреть кино дальше. Вернее, на неё, пока наша история приобретала новые сюжеты.

Голова раскалывалась от всей череды событий. Я мог поклясться, что чувствовал себя хуже, чем в ту роковую ночь, когда от меня отрекся весь мир и я сбежал, как последний трус. Я приподнялся на койке, пока все мои конечности окончательно не онемели. У меня едва получалось ими шевелить.

За решёткой замаячила какая-то тень — моя собственная или чья-то чужая. Никто не включал свет, чтобы привыкнуть ко тьме. Плевать, она хотя бы не врала.

— Она видела во мне монстра, — повторял я про себя еле слышно, потому что больше не видел других причин. — Всё дело в моём прошлом. Тогда стоит покончить с ним.

Я не злился на неё. Это было странно, потому что я должен был злиться и ненавидеть за то, что она воспользовалась моим доверием и обернула его против меня. Я готов был ждать её взаимности и тех заветных слов сколько угодно. Да хотя бы всю свою гребанную жизнь. Но в тот вечер в резиденции она ясно дала понять, что я был её временным пристанищем, чтобы вернуться. Кейтлин нашла себя, а я потерял.

Мне нечего было бояться, но паника так или иначе накрывала меня с головой. Я мог лежать спокойно минуту, две, пять, а потом сердце внезапно начинало колотиться так, что

рёбра трещали. Я не мог дышать. Воздух в камере кончился, хотя его было полно. Руки сжимали край койки.

«Ничего, ничего, ничего» — твердил внутренний голос таким отчаявшимся тоном, что я желал положить всему конец.

А потом снова пустота.

И снова её лицо.

Вспышка.

Кейтлин читала на диване мои черновики, как книги. На ней был мой свитер — слишком большой, что он оголял одно её плечо. Я подошёл ближе и коснулся её нежной кожи губами. Ладони заботливо поправили воротник, и она улыбнулась в ответ. Её аромат духов с ирисами снова вскружил мне голову.

— Ты всегда отыщешь меня среди льда, да? — спросила она, указывая на моё сердце.

— Всегда.

Я ударил кулаком в стену. Кровь в жилах закипела, а затем и вовсе вырвалась наружу, окрасив костяшки в алый — цвет тёмной любви.

— Идиот! — крикнул я в пустоту.

На мгновение я ощутил облегчение, когда часть невидимой боли всё же обрела форму. Только внутри её оставалось ещё слишком много. Рука горела, но сердцу было тяжелее во сто крат.

Засов громко упал с замка.

— Оуэн Харрис, к тебе адвокат.

Харрис. Раньше так называли меня только родные люди. Сейчас же меня ничего не связывало с этой фамилией. Только её отголоски напоминали мне прошлый нелепый звук.

В камеру зашел рослый мужчина лет сорока, в строгом костюме, с папкой, которую он прижимал к груди как щит. Такие адвокаты берут дорого и выигрывают почти все дела. Наверняка, постарался Отис, но у меня были свои накопления со съёмов.

— Меня зовут Дарвин Деск, — представился он, продолжая стоять ровно и смирно напротив меня. Его одежда из черного шёлка выглядела намного чище и опрятнее моей. Я не снимал пиджак и чёрный цвет с себя. Протест самому себе. — Я представляю ваши интересы. Мы говорим откровенно?

— Разве может быть иначе? — пожал я плечами и связыв в ответ из-за накопившейся усталости, но затем всё же добавил. — Простите.

Мужчина кашлянул и продолжил.

— Случай не из простых. Я бы сказал довольно сложный, — он перелистнул несколько страниц в папке, создавая только большее напряжение. — Вы бежали от наказания несколько лет. Сменили документы, континент, фамилию. Если бы вы сдались раньше — вас бы, возможно, оправдали.

— Но сейчас плевать, — сказал я.

Он поднял бровь.

— Простите?

— Уже ничего не исправить. Плевать на срок, на оправдание, на всё.

Дарвин вздохнул с сожалением, но я не нуждался в нём. В этой истории была полностью моя вина.

— Что касается Стивена Мэллори. Он подтвердил, что вы были замешаны в преступлении. Его адвокат рассказал, что тот парен был другом мистера Мэллори. Похоже, что он станет давать показания против вас. Мы можем попробовать договориться с ним, чтобы его слова не отяготил ваше наказание.

Я задумался и отвёл взгляд всего на пару секунд. Кейтлин всё ещё была слишком мне дорога, чтобы я посадил её брата в тюрьму. Не каждый человек заслуживал второй шанс, но когда-то она его мне и отдала. Пусть это станет моей последней просьбой любви.

— Я не стану бить в ответ. Сделайте так, чтобы его отправили по программе защиты свидетелей куда-нибудь далеко. Например, Австралия. Он будет свидетелем, а не соучастником. Так его не смогут задержать и дать срок.

Мой поступок был непонятен Дарвину. Наверняка он считал меня за придурка, раз я волнуюсь за какого-то парня, а не за себя.

— К чему такая самоотверженность, мистер Харрис?

Нас окружали надзорные и конвойный стоял почти в паре метров от нас. Если бы не обстоятельства, я бы расписал ему каждый пункт.

Костяшки ныли. Кровь оставила следы на белой рубашке вместе с пылью.

— Это единственный верный выход.

— Вы не должны отказываться от своих слов. Дело касается вашей дальнейшей жизни. Он настроен решительно. Я могу это оспорить. Но если вы хотите смягчить приговор — нужна стратегия. Признание. Раскаяние. Сотрудничество.

— Просто сделайте так, чтобы мне не дали слишком большой срок, — сказал я. — Остальное не важно.

— Зачем вам это? — он продолжал смотреть на меня в упор. — Разве выйти сухим из воды — не ваша цель? Вы столько лет бежали. Вы могли бы продолжать бежать.

Мог. Да к черту! Я собирался забрать этот секрет с собой в могилу, а затем гореть в аду за своё раскаяние. Только сколько бы я не бежал, оказалось, что моё прошлое всё равно следовало за мной по пятам.

Передо мной снова была Кейтлин. Она танцевала на кухне в нашей с ней квартире, полной хаоса и красок. Звучала дурацкая песня с радио, и она не попадала ни в одну ноту, подпевая ей. Я стоял в дверях и смотрел на неё не так как прежде. А как на свою семью, которую выбрал сам и которая выбрала меня тоже. Я был готов ради неё на всё.

Даже на это.

— Нет, — сказал я не дрогнув ни одним мускулом на своём лице. — Моя цель была в другом. И я её уже потерял.

— Поясните.

— Любовь, — я криво усмехнулся. Только одно слово и ничего больше. — Я никогда не думал о том, что ждёт меня впереди. Не строил никакие планы на будущее, потому что был уверен, что лишил себя его. Я не знал, зачем мне просто существовать. А потом появилась она. И я снова захотел. Захотел утро. Смех. Прикосновения. А теперь её нет. И всё снова откатилось назад. Так хотя бы я буду уверен, что не предал ту, что любил. Стивен должен быть с ней. Ещё одна разлука с братом разобьёт ей сердце.

— Значит, вы платите за его защиту?

— Да. Верно. Деньги можете списать с моего счёта.

Дарвин стал что-то записывать в свою папку с серьёзным и хмурым взглядом. Он был недоволен моим решением.

— Вы знаете, что это не спасёт вас от того, как они будут смотреть на вас в зале суда? Вместо благодарности может быть ненависть. Нельзя быть уверенным в чужих чувствах.

— Знаю.

— И это всё равно вас не остановит, я прав?

Я посмотрел на него. Впервые за этот разговор — прямо, не отводя глаз.

— Если вы хотели спросить меня о том, болит ли у меня сердце, то да. — Сказал я. — Мне плевать, каким я буду в глазах других людей. Но не в её. Даже если она считает меня чудовищем. Даже если никогда не поймет. Больше я не в праве что-то менять. Только могу сделать так, чтобы ей стало легче. Даже ценой себя. Снова.

Адвокат молча захлопнул бумаги и направился к двери. Наше с ним время вышло. Дарвин остановился спустя пару шагов и бросил мне через плечо:

— Я сделаю всё возможное, чтобы срок был минимальным. Но обещать не могу.

— Не нужно обещаний, — голос хрипел. — Просто сделайте.

Скоро от мужчины не осталось и тени. Конвойный проводил его обратно на свободу. Засов вновь затрещал. И я снова остался один с потолком и своими воспоминаниями.

Заседание суда походило на театр абсурда.

После неудачного сценария всегда есть несколько дорог и ты должен выбрать одну из них: переписать своё творение, найти себя в других ролях, провести анализ своей неудачи, попробовать сменить жанр, затаится или же исчезнуть. Я выбрал последний и подходящий для себя вариант.

Сценарии больше никогда не будут моими. В каждом из них я буду видеть Кейтлин и нас двоих. Пытаться переписать историю так, чтобы в конечном итоге мы были вместе хотя бы в иной Вселенной, как Сесилия и Робби.

Сейчас я ощущал себя Крисом Спарлингом. После провала фильма «Погребённый заживо» он больше десяти лет не писал сценарии. Возможно, меня ждала та же участь, только длиной в бесконечность.

Я сидел в стеклянной клетке у всех на виду. Каждая па-

ра глаз намеривалась взглянуть в мою сторону, но я просто не мог смотреть куда-то помимо пола, чтобы не испытывать ничего. Чтобы не сломаться.

До меня доносились только обрывки приговора.

«...отягчающие обстоятельства...»

«...длительное сокрытие от правосудия...»

«...признание вины на поздних стадиях...»

«...ходатайство о смягчении...»

Я не знал, что должен был поистине ощущать в этот момент. Ничего не имело значения. Все эмоции притупились, оставив вместо себя лишь холодность.

«Не поднимай взгляда. Не смей этого делать», — повторял я, как мантру.

Перед смертью в голове проносятся воспоминания, но моё воспоминание сейчас находилось рядом со мной. Я мог только найти Кейтлин своими глазами, чтобы вдоволь надышаться перед собственным расстрелом.

— Чёрт.

Я противоречил сам себе и всё же нарушил обещание.

Она смотрела на меня.

Кейтлин сидела во втором ряду, с краю, ближе к клетке. Бледная, в бледном белом платье. Черные волосы были собраны в узел. Она выглядела растерянной, даже раздавленной. Её глаза стали ещё темнее. Девушка смотрела на меня, и в её взгляде было столько всего сразу, что я не мог разобрать ни одного чувства.

Раскаивалась ли она или же была уверенна, что делает как лучше?

Я стиснул зубы и впервые за несколько дней позволил себе слабость. Не от злости. От боли.

Не знаю сколько прошло времени. Я сидел и смотрел в пол, потому что если бы я поднял глаза на Кейтлин ещё раз, то сломался бы.

— Внимание. Приговор оглашается. Всем тишина, — голос судьи выдернул меня из пустоты. Я застыл, затаил дыхание. — Оуэн Харрис, суд приговаривает вас к двум годам лишения свободы.

Два года.

Я ждал больше. Ждал пять. Ждал десять. Два — это почти ничего с тем, что я совершил.

Дарвин пресёкся со мной взглядом. Он сдержал своё слово.

Среди прочих возгласов и криков я услышал один пронзительный всхлип. Это была Кейтлин.

— ...с отбыванием наказания в исправительной колонии...

Но вместе с Кейтлин тихо плакала и Холли. Моя сестра. Моя маленькая Ариэль с карамельными волосами. Я подвёл её в очередной раз или сделал всё правильно. Я больше не был ни в чём уверен. Прошла целая вечность, когда я не видел её и маму и словно сейчас я сам отрекался от них, как они когда-то от меня.

На душе кровоточили старые раны. Я вновь и вновь что-

то терял, не зная, как остановить этот замкнутый круг.

Конвойные подошли ко мне. Я поднялся сам, не дожидаясь, пока меня поднимут.

И тогда она сделала это.

Кейтлин вырвала руку из ладони Холли и бросилась к барьеру. Её лицо было мокрым от слёз, искажённое отчаянием. Она протянула руку — туда, где я стоял за стеклом. Мне оставалось только протянуть свою руку в ответ.

— Оуэн!

Я замер.

Её пальцы коснулись стекла. Тонкие, дрожащие. Тёплые. Я чувствовал это тепло даже сквозь миллиметры стекла, сквозь слова вины, сквозь годы боли. Всего на секунду я снова очутился там — на Харбор Бридж в самую первую нашу встречу, где мы вместе стояли по разные стороны моста, но всё равно отыскивали друг друга.

Всего на секунду.

— Не надо, — прошептал я и она прочитала всё по моим губам. — Забудь обо мне.

Потом я нашёл в себе силы. Отвёл взгляд. Сделал шаг назад.

Я должен был отпустить её.

Конвойные взяли меня под руки. Наручники защёлкнулись на запястьях — металл, холодный и чужой.

Меня повели.

Я обернулся через плечо — один раз. Не потому что хотел,

а потому что, черт возьми, не мог не обернуться.

Кейтлин не двигалась, стояла у барьера тяжело дыша. Холли приобнимала её за плечи, успокаивая.

Растерянная.

Раздавленная.

Любящая.

Всё ещё любящая. Я видел это. Она никогда не признавалась себе в этом. И вряд ли бы смогла признаться.

Слишком поздно.

Шаги эхом отдавались в коридоре. Впереди была дверь.

Я шёл и понимал, как что-то во мне умирает. Не сердце — оно болело, но билось. Не разум — он работал холодно, безжалостно.

Что-то другое. То, что делало меня человеком. То, что позволяло любить. То, что позволяло надеяться.

Оно умирало медленно, и я не звал на помощь.

Потому что кто придёт спасти преступника за маской героя?

Глава 3. Оуэн

Страх сковал мои руки. Я мог поклясться, что не боялся той неизвестности, в которую себя втянул, но это было бы гребанной ложью. Всё, как и восемь лет назад. Меня охватывала сильная дрожь, доходящая до невыносимых конвульсий. Но одно во мне всё же изменилось. Я устал бежать от наказания. Мне стоило признаться во всём с самого начала и забрать правду вместе с собой. Уверен, она могла бы быть на моей стороне. Сейчас же всё стало совсем иначе. Я только продлил свой приговор. Нет ничего хуже молчания, чего бы оно, черт возьми, не касалось.

Я винил себя каждый божий день, забываясь в сценариях. Пора взглянуть страху в глаза, пускай даже таким отвратительным способом. В таких дерьмовых обстоятельствах, когда казалось, что всё только начинает налаживаться.

Звук молотка, которым судья ударил по подставке, всё ещё стоял в ушах. Наручники сжимали и царапали запястья почти привычно, словно я носил их всю жизнь.

Голос Кейтлин разбивался о стекло и стены. Она молила меня остановиться, но механизм уже запущен. Есть вещи, что невозможно изменить, их стоит только принять.

Больше никаких взглядов назад. Достаточно сраного прошлого и сожаления о нём.

Рука конвойного вжалась в моё плечо, когда мы зашли за

очередной поворот. За всё время, что мужчина вёл меня, он ни разу не взглянул в мою сторону. Его черты лица были огрубевшими и серьёзными. Ему было всё равно, кто я и что сделал. Я был для него очередным преступником, как и все остальные.

Оставшуюся дорогу до приёмного пункта я шёл, уткнувшись глазами в пол. Последнее, чего мне хотелось — запоминать дорогу в ад. Никаких эмоций. Лампочка надежды в моей голове окончательно погасла. Как будто кто-то выключил свет и ушёл, оставив меня в темноте.

— Пошевеливайся, — скомандовал один из здоровяков, когда меня заволокли в комнату.

Я переступил порог. Помещение было дотошно светлым и стерильным. Здесь пахло хлоркой и потом. Мне хотелось зажмуриться и вспомнить запах океанского залива в Сиднее, но от него ничего не осталось. Казалось, что вся моя жизнь до этого момента была всего лишь иллюзией и ничем больше. Даже Кейтлин могла сойти до простого персонажа из одной из моих любимых историй, что я не успел дописать.

Ещё один конвойный, ещё один стол. Бумаги, которые я подписывал не глядя.

— Раздевайся. Сдавай всё личное.

Я стянул пиджак. Он всё ещё пах Кейтлин. Она надела его всего на пару секунд, но её аромат настойчиво впился в мою одежду, издеваясь надо мной. Этот чертов костюм мог оставить в себе только хорошие воспоминания о том, как мы вме-

сте сбегает из резиденции и летим первым же рейсов в Нью-Йорк, чтобы отснять последние кадры для кино. Но сейчас я желал только избавиться от него как можно скорее.

— Часы, кольца, цепочки — всё на стол.

Всё мимо. Я был равнодушен к таким железнякам.

Кроме одной.

Браслет.

Тонкая плетённая цепочка черного цвета с подвеской миниатюрной луны. Её символ. Когда я впервые увидел на витрине эти украшения, то сразу же подумал о Кейтлин. О нас. От неё всегда веяло холодом, а от меня теплом. Она была моей луной, а я её солнцем. И чтобы помнить друг о друге вечно, я поменял всё местами.

Кейтлин осталась на моём запястье.

Я сжал браслет в кулаке. Конвоир пристально смотрел в мою сторону.

— Это тоже сдать. Правила есть правила.

Пальцы сильнее вцепились в дорогую сердцу вещь. Оно было последним воспоминанием. Последней связывающей нитью между нами. Я положил его на стол. В груди готова была разрастись новая дыра.

— Поворачивайся. Осмотр.

Тело изнывало вместе с душой, но я прятал любую слабость. Я хорошо помнил эти чувства.

У меня проверяли шрамы, родинки, всё до мелочей. Мне приходилось считать трещины в стене, чтобы не думать ни

о чём больше.

Когда унижение закончилось, в меня полетела форма. Серая мешковатая рубашка, синие брюки из джинсов и протертая кем-то другим майка. Всё на размер больше. Я натянул на себя новое обличие, к которому напрочь нельзя привыкнуть.

Конвойный отвлёкся на бумаги, собирая их все в одну кучу, и что-то глубоко внутри заставило меня развернуться к столу, схватить незаметно браслет и сунуть его в карман в зажатом кулаке.

Не знаю, что двигало мной в тот момент, когда я это сделал. Всё было машинально. Не обдуманно.

Резкий голос из-за спины заставил меня вздернуться.

— Готов? — спросил конвойный.

— Да.

Согласие прозвучало твёрдо, но только сердце знало, что оно было неуверенным. Можно ли быть готовым, когда ныряешь в пустоту, где не хватает воздуха?

Серая форма шершаво ложилась на плечи и бедра. Ей стоило стать моей второй кожей, в которой я буду жить два года.

В документах напротив моего имени числился номер. И признаться честно, это ощущалось намного хуже, когда я менял фамилию, паспорт и другую страну. Раньше я сам мог выбирать, кем стать, а теперь эту судьбу вершил кто-то иной.

Когда все формальности были улажены, меня провели к сотням других камер, остановившись на втором отсеке. Гул-

кие шаги становились громче криков отчаяния.

— Заходи.

Я сделал шаг и за мной дернулся ключ. Звук прощания и раскаяния.

Вокруг было также пусто и отчужденно. Через узкое окно от пола до потолка едва проходил свет. Кровать была узкой и встроенной в стену из твёрдого темного дерева, рядом стоял стол вместе с туалетом и раковиной. Камера походила на раздолбанную каюту парусника, какие я видел на портах в Main Sail.

Если бы одиночество и имело форму, то я представлял его именно таким. Оно было живым и вползало в лёгкие.

Я подошёл ближе к стеклу, чтобы взглянуть вниз, на ту жизнь, что станет теперь только моим гребанным напоминанием того, что я лишился на неопределенный срок.

«Разве так ты представлял себе искупление, Оуэн?» — нагнетал мой внутренний голос, и я тяжело сглотнул.

— Моим искуплением должна была стать она, а не эта чёртова тюрьма, черт меня подери! — взвыл я, от чего из-за соседней стены слышался непрерывный стук.

Я запутался. Так, что не знал где искать выход, чтобы не потерять себя окончательно.

Ноги плелись до койки. Мне хотелось закрыть веки и открыть их будучи полностью свободным, но перед глазами уже стояли цифры 7, 3, 0. Тьма была густой. Два года. Этого мало, чтобы загладить ту смерть. Но это начало. Я дол-

жен отдать долг. Полностью. Без остатка. Чтобы, когда выйду, во мне не осталось ни капли той вины. Чтобы Холли могла смотреть на меня без содрогания. Чтобы мама никогда не смогла разглядеть во мне что-то тёмное.

Чтобы Кейтлин...

Она пришла сразу. Её голос. Её смех.

Самое тяжелое из всех наказаний.

«Оуэн, посмотри на меня. Просто прикоснись ко мне».

— Нет, — прошептал я. — Не сейчас.

Я бредил.

Вместо сотни мыслей я хотел представить перед собой белый шум. Статику. Пустоту. Но голос не уходил. Она жила в моём сердце. Глубоко. Избавиться от него означало только вырвать с корнями собственное сердце.

«Не оставляй меня», — умоляла она.

— Заткнись, — сказал я пустоте.

Ладонь сжимал край матраса, впиваясь ногтями в дешёвую ткань.

«Ты всегда отыщешь меня, да?»

— Пожалуйста, — мой голос сорвался на шёпот. — Просто оставь меня в покое.

«Всегда», — ответил я сам себе. Потому что она уже не ответит. Потому что её голос теперь только в моей голове. Потому что я сам виноват, что он там.

Тогда я начал считать. Один. Два. Три. Вдох. Выдох.

Удары один за другим только сильнее напоминали образ

Кейтлин. Она билась о рёбра, словно как и я находилась в клетке.

Без сил я всё же провалился в забытьё. Без снов. Просто чернота. И всё равно в этой темноте я слышал её томное дыхание.

— На построение. Живо!

Тяжесть произошедшего давила на разум. Всё было бы намного проще, если бы я потерял память, ведь знать каждую деталь до мелочей невыносимее всего.

Лампа под потолком замигала. Я механически поднялся и расправил на себе форму. Никаких инструкций, как жить дальше. Только указания, звучащие за решёткой.

Когда двери автоматически открыли, каждый выстроился возле своей камеры. Десятки лиц по разные стороны и напротив. Все с разными взглядами, но в одинаковой одежде. Воздух наполнился безразличием и безнадежностью.

Нам ничего не сказали, только указали на конец коридора и вывели в столовую.

Я старался не оглядываться по сторонам. Не смотреть на других осуждённых. Мне нужно было время, чтобы стать частью нового механизма.

В горло не лез кусок, поэтому я сел с пустым подносом за свободное место.

Кто-то на противоположном конце нацелился на меня взглядом. Точнее пара любопытных глаз искали новую жерт-

ву среди знакомых лиц. Внимание привлёк здоровый парень с бритым затылком и татуировкой на шее. Он смотрел не отрываясь. Оценивал. Я отстранился от стола и дал ему ответное приветствие. Такое же холодное. Мне стоило ясно дать ему понять, что я не нуждаюсь в союзниках и друзьях. Сам за себя.

В конце концов парень всё же сдался и разорвал зрительный контакт.

На выходе меня перехватили и отправили в комнату под присмотром надзирателей. Там меня ждал Дарвин.

Сегодня выглядел более ободряюще, чем в прошлую нашу встречу, чего нельзя было сказать обо мне.

— У меня хорошие новости, — начал он без предисловий. — Вы будете работать в библиотеке. Секретарём. Это почти офисная работа. Бумаги, каталоги, учёт. Спокойно. Без риска. Вас никто не тронет.

— Мы не договаривались об этом.

— Это просьба Стивена Мэллори. Ответный жест без обязательств.

Я замер. Он легко откупился и его требование выглядело как простая насмешка. Я не хотел думать о нём. Просто кивнул.

— И ещё, — он достала из папки белый лист бумаги и ручку. — Вам разрешили написать письмо при необходимости, чтобы я передал его лично. Можете написать кому хотите. Другим. Семье. Или... — Дарвин не договорила.

Я знал, кого он имел в виду. Кейтлин.

Пальцы замерли над пустой бумагой. Слова в груди всё просились вытечь наружу, но я подавлял их, зная, что этого будет недостаточно. Недостаточно пары предложений, чтобы выплеснуть всю боль.

Ручка дрожала в моей руке.

Кейтлин не заслуживала моих слов. Больше нет. Они иссякли.

Если я напишу ей — станет только больнее. Я буду сомневаться и чувствовать чертову вину, которую не должен. Она может попытаться что-то исправить. А это разрушит то немного, что у неё осталось. Я больше не встану у неё на пути.

Я вывел на листе другое имя.

Отис.

Прости, что не сдержал обещание. Я в тюрьме. Мне дали два года. Не спрашивай за что, ведь ты и так знаешь. Я не сломался. Просто не смог больше нести этот груз на себе. Это моя расплата за прошлое. Как думаешь, хватит ли этого времени, чтобы смыть всю кровь на моих руках? Наверное, нет. Но одно я знаю точно, больше мне будет незачем оглядываться через плечо. Ты единственный, кому я решился объясниться. Для других не хватает смелости. Не отвечай. Просто будь рядом с теми, кто дорог мне, пока я здесь. Ты настоящий друг. Спасибо тебе за это.

Слеза сама скатилась на бумагу. Предательская и случай-

ная. Я сложил бумагу напополам и протянул в сторону адвоката.

Тыльной стороной ладони я незаметно протёр веки. Никто не должен видеть этих следов разочарования в самом себе.

— Отправьте.

Дарвин взял письмо.

— Держитесь, мистер Харрис.

— Я не держусь, — ответил я. — Я плачу.

Он не понял. Вышел и исчез за решёткой.

Теперь я сам за себя.

Солнечные лучи едва не доходили до двора, обнесённого высоким забором с колючей проволокой. Они заканчивались прямо на границе, показывая, что им нет места там, где сплошной мрак.

Вокруг простирался асфальт, несколько скамеек, столбы с тусклыми фонарями. Небо серое, низкое, как потолок в камере.

Я облокотился на бетонную стену, скрестив руки у груди. Не выжидал, а присматривался к каждому. Кино научило читать людей насквозь, прежде чем подпускать их к себе ближе.

Ко мне подошли двое — тот самый бритый с татуировкой на шее и ещё один, пониже, с цепким взглядом.

— Эй, новый. Как звать?

— Оуэн, — ответил я без фальши. Её не терпят. Особенно здесь.

— Поговаривают, это не одна твоя личность. Так ведь, тень?

Он обратился к своей пешке.

— Когда ты вершишь жизни других просто взмахом карандаша, то да.

Я говорил о себе как о сценаристе и убийце.

— Ты с характером, да? — усмехнулся второй. — Это здесь быстро пройдёт.

— Мне нечего вам предложить, — сказал я ровно. — Я не ворую. Не торгую. Не играю. Поэтому отсижу как положено. Без шума. Без драм.

— Ты что святой что ли?

— Нет. Должник. Искупление не пахнет святостью. Оно пахнет потом и бетоном.

Бритый смотрел на меня долго. Потом сплюнул возле моей ноги. Он хотел от меня ответов, но не понимал, что я их уже ему раздал.

— Какое твоё место?

— Библиотека. Не лезьте ко мне — я не полезу к вам.

Мои слова были настойчивыми и резкими. Если бы я сбавил тон хотя бы на один децибел, то показал бы свою уязвимость и надо мной бы взяли контроль. Мне не хотелось вступать в новые проблемы и создавать их.

— Смотри, библиотекарь, не ошибись. Здесь долги быст-

ро выбивают. Но если ты правда пришёл платить — может, и выживешь.

Они отошли вдвоём и я остался у стены в своих мыслях.

Белый лист. Чистый. Ничего не напоминает. Ни о Кейтлин. Ни о прошлом.

Именно таким я видел себя сейчас.

Впереди расплата, а потом — новая жизнь. Без вины. Без бегства. Я заплачу за ту ночь. За Холли. За её слёзы. За то, что стал монстром в глазах Кейтлин. За каждое слово, которое она выкрикнула на балу в резиденции, потому что она была права. Я был преступником. Но теперь я здесь.

Глаза устремились к небу, словно прося благословения и отпускания грехов. Затем взгляд упал на руки — пустые, без браслета, но с памятью о нём. Он лежал в кармане.

Я коснулся его через ткань, и дуга луны поцарапала меня, оставив за собой след. Моя отчаявшаяся надежда оставалась в нём и ни в чём больше.

Глава 4. Кейтлин

Я надеялась, что ночь будет бессонной. Что меня начнут мучать кошмары, и я больше не смогу закрыть глаза, не прижавшись к родному и любимому плечу. Что я начну бредить и кричать, чтобы заглушить свою боль.

Но ничего из этого я не чувствовала. Казалось, что я снова разучилась ощущать что-то. Как раньше.

После заседания суда адвокат Стивена заявил, что с его делом скоро разберутся. Он уверял, что всё будет хорошо, но вот уже несколько дней я не получала никаких новостей от него. Душа терзалась в незнании.

Я больше не могла просто сидеть и ждать. Находиться запертой в четырёх стенах было безопасной идеей и самой гниющей, поэтому собравшись из последних сил я поднялась с кровати и направилась напрямик прочь из коттеджа.

Мой внешний вид оставлял желать лучшего. Он словно кричал всем прохожим об измученности и растерянности: потёртые джинсы, черная кофта с длинными рукавами и небрежный пучок. Под глазами виднелись синяки, так что мне всё же пришлось спрятать их под слоём консилера, чтобы не стать похожей на бледную мумию ещё сильнее.

Последние пару минут я безостановочно набирала номер Стивена, но его телефон молчал. Тревожность накрывала меня с ног до головы, переноса снова в те дни, когда я пыта-

лась его найти спустя годы. Невыносимо снова было слушать пустые гудки.

Я ускорила шаг и свернула в знакомый переулок к особняку из красного кирпича. Не знаю, сколько я не появлялась здесь, но лианы, что обвешивали дом, слегка иссохли. Сакура перестала цвести, осыпав свои лепестки у подножия крыльца. В окнах не горел свет, они и вовсе были заколочены.

Из губ вырвался отчаянный стон.

— Ханна? — позвала я тихо, но никто не ответил.

Рука потянулась к деревянной доске возле стекла. Она была прибита криво, наискосок, как будто кто-то торопился. Детский смех теперь звучал только в моём сознании.

Ни штор на окнах, ни детских игрушек на крыльце, ни запаха готовки. Никаких следов жизни.

На дверях висел черный замок. Я провела подушечками пальцев по выступающей букве «S». Рядом стоял почтовый ящик, из которого уже несколько дней никто не доставал письма. Они пожелтели от дождя и тепла.

— Нет, — прошептала я в пустоту, отказываясь верить в происходящее.

Ханна уехала вместе с Белли. Или её увезли. Или она просто исчезла, как исчезают люди, когда правда становится невыносимой.

Я медленно опустилась на ступеньки, обхватив колени руками.

Оуэн оказался прав.

Он пытался открыть мне глаза, когда я не верила ему.

«Ты не знаешь своего брата, Кейтлин. Ты видишь только то, что хочешь видеть», — пронёсся его голос.

Тогда я кричала в ответ, что он ревнует, что он хочет поссорить нас, что он просто не понимает, что значит семья.

— Какая же я дура.

Руки запутались в волосах, запутывая их только больше.

Стивен. Самый близкий и родной мне человек. Тот, кто заменил мне родителей, когда они нас бросили. Тот, кто всегда защищал меня и не давал в обиду. Тот, на кого я так сильно хотела равняться.

И что в конце концов? Он предал меня и оставил, как тогда в детском доме.

Обида в груди задела старую рану, и та мгновенно закровоточила.

Я верила, что всё будет как раньше. Слепо верила в то, что сама себе придумала.

Передо мной всё ещё была закрыта правда. Только обрывки слов Оуэна. Он пытался меня переубедить, а я сделала врагом того, кому без остатка доверила всю себя.

Но почему?

Я сжала пальцы так сильно, что ногти впились в ладони. Ответ был слишком прост, чтобы понять его сразу — я боялась. Если бы я поверила Оуэну, то мне пришлось бы признать, что моя семья совсем не та, какой я её считала. И Сти-

вен, которого я обожала, совсем не герой. Слепая вера и любовь в то, что люди меняются. Как глупо и самонадеянно.

Я поднялась, держась за перила, чтобы не упасть. Затем взглянула на безжизненный особняк ещё раз.

Мой дом в сердце также пустовал.

Мне нужно было к нему.

Я знала, что мне не стоило приходить, но не могла иначе.

Колени дрожали, как от озноба. Я прикусила потресканную губу и чуть не взвыла от боли. В лёгких вместо воздуха таилось сожаление.

Я просила о коротком свидании. Оуэн мог отказать мне в такой просьбе, но всё же согласился.

Перед глазами виднелась стеклянная перегородка, на одной стороне из которых висела телефонная трубка. Пластиковый стул был жутко неудобным, но я совсем не обращала на это внимание. Я пристально следила за дверью, откуда должны были привести заключённых.

Сердце колотилось так сильно, что пульс гудел в висках.

Рядом были другие женщины. Они держали в руках детей или продукты. Мне казалось, что они всё время перешептывались, когда смотрели в мою сторону.

Если каждая из них верила или надеялась, то я боялась этой встречи.

Шум разговоров прервал скрип, и все тут же замерли в ожидании.

Один за другим мужчины выходили и садились на места напротив своих знакомых. А потом вышел он. Я узнала его по глазам и родинкам. Его образ снова стал таким реальным, и, если бы не стекло, я бы снова побежала ему навстречу.

Оуэн выглядел иначе. В нём что-то изменилось, что-то сломалось.

Он упал тяжелой походкой за стол и без раздумий взял трубку. Так просто и механически. В этом движении не было ничего кроме безразличия.

Я прижала телефон к уху и вдруг поняла, что не знаю, что сказать. Слова перепутались, а затем и вовсе исчезли. Молчание оказалось хуже любого крика.

Не знаю зачем, но я позволила себе рассмотреть его. Так бесстыдно и жадно. Серые глаза парня точно выцвели, в них не осталось прежнего желания и искры. Плечи были ссутулены, и форма свисала на нём так, словно он потерял несколько килограммов за всё это время.

Его взгляд, направленный куда угодно, но не на меня, прожигал насквозь.

— Ты пришла, — сказал он серьёзным голосом, чтобы первым прервать давящую тишину.

— Да. Пришла.

Предложения слетали с губ неуверенно. Я ненавидела себя за это.

Пока мысли собирались воедино, Оуэн перебил меня. Просто продолжил говорить так, будто меня вовсе здесь не

было.

— Уходи, Кейтлин.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Уходи. Не приходи больше. Всё кончено.

Голова закружилась от такой резкости и холодности в его тоне. Мои пальцы нервно коснулись браслета на запястье. Того самого, парного к его. Я всегда тянулась к теплу Оуэна, даже сейчас, когда это тепло, казалось, осталось только в кулоне солнца.

В последнее время мы сильно ссорились и не понимали друг друга, но я никогда не снимала этот браслет.

Оуэн заметил, как я коснулась черной веревки, затем фигуры, и в его взгляде что-то промелькнуло. Всего на секунду он вернулся, а затем снова пропал. Обжёгся.

— Я не уйду. Я хочу извиниться, — всё же дрожа у меня получилось произнести. — Потому что была неправа. Мне стоило послушать тебя. Я...

— Ты никогда не выберешь меня, Кейтлин, — на этот раз в его голосе можно было услышать что-то родное. Еле уловимый отблеск чувств, который ранил. — Ты готова бороться за Стивена, за свои идеи. За нас в последнюю очередь. Или никогда.

Я открыла рот, чтобы возразить, сказать, что это не так. Но не смогла. Он был прав. Стало тошно от самой себя.

Он не говорил о том, что наша история была ошибкой,

просто читал уже написанную правду.

Глаза наполнились водой, но не смели стекать по щекам. Вокруг мир плыл, а Оуэн всё также оставался чётким и настоящим.

— А что, если я буду бороться? — прошептала я.

Оуэн долго молчал. Так долго, что я уже решила, что он не ответит.

— Мне плевать.

— Оуэн...Прошу.

— Мне плевать, — повторил он уже громче и безжалостнее. — Всё кончено.

Я всхлипнула.

Звук, похожий на раскат грозы вперемешку с отчаянием. И тогда он поднял глаза. Впервые за все те минуты, чтобы мы были вместе он посмотрел на меня. Так проникновенно и в тоже время убийственно.

И что-то щёлкнуло.

Я точно не знала, что было, но ощущала этот электрический ток всем своим нутром, каждой клеткой. Дело было в накатывающихся слезах, браслете или потерянной улыбке? Оуэн сам не мог ответить на этот вопрос, только сбросил грубую маску с лица и устало заговорил со мной.

— Борись, — тихо, чтобы собственное сердце не услышало его слов. — Если любишь — борись. В остальных случаях просто покинь меня.

— Я люблю тебя, — выдохнула я. — Мне стоило при-

знать в этом раньше.

Он снова отвернулся, и я не была уверена, что он услышал моё жалкое раскаяние.

— А теперь больше не приходи. Я хочу запомнить тебя другой. Той, что ты была в бухте, когда мы смотрели вальс белых яхт.

— Но...

— Приходи, когда сможешь снова стать ею. А до тех пор не надо, — он поднялся, не отпуская трубки. — Если кто-то писал за нас сценарий, то я увижу тебя снова.

Оуэн подарил мне последний взгляд. Он держался слишком стойко, но всё же две капли упали на его грудь. Там, где болело больше всего.

Я не могла смотреть как он уходит, как оставляет меня одну. Я поднялась следом и стала бежать сквозь другие кабинки, пока конвойные вели его обратно. Казалось, что время не замедлилось, а вовсе остановилось.

У последней стойки я всё же сдалась и стала бить кулаками по гладкой поверхности, надеясь, что меня пустят к нему. Что я ещё раз прикоснусь к Оуэну и всё встанет на свои места.

Надежда разбилась на осколки, когда он так и не обернулся, и вышел прочь.

Ко мне уже направлялась охрана, но мне было всё равно. Глаза высохли. В них больше не осталось слёз.

Я вырывалась из чужих рук, когда меня пытались успоко-

ить. А после выставили на улицу.

Мне нужен был воздух, и я просто начала бежать в противоположную сторону. Это не могло спасти остатки моей раненной души, но она не желала больше оставаться здесь.

Я бродила по городу, как в бреду, хотя знала большинство переулков и проспектов.

Мимо виднелись витрины магазинов, люди с кофе в руках, смеющиеся и целующиеся пары, мурлыкали уличные коты. Жизнь каждого шла своим чередом, когда я шла сквозь неё, как невидимый призрак без прошлого и настоящего.

Пустота, а месте с ней и никаких воспоминаний. Всё стёрлось. Старые исписанные бумаги сожгли, оставив только пепел.

Я пыталась запомнить Оуэна, вызвать его образ в своей голове с тем же трепетом, с которым он всегда на меня смотрел. И не смогла. Он рассыпался, как старая фотография на солнце.

Вернувшись в коттедж, я встала перед зеркалом. Отражение вызывало ненависть и отвращение.

Длинные и чёрные волосы всегда твердили мне о тьме. О том, что её нельзя избежать. Она всегда рядом. В мыслях. Повсюду.

И только когда Оуэн проводил пальцами по моим локонам сомнения рассеивались. Он всегда находил красоту там, где я видела уродство. Даже в моём гнилом сердце он чувствовал

тепло и свет.

Одной рукой я держала прядь, а другой ножницы. Те же, которыми я резала ткань для костюмов.

Ткань поддавалась легко. Волосы — тоже.

Глухой треск. Прядь упала на пол.

Ещё одна.

Ещё.

Я смотрела в зеркало на незнакомку с неровно обрезанными волосами, с опухшими глазами, с размазанной тушью на щеках и не узнавала себя. Мне хотелось наказать себя. Не видеть больше ту Кейтлин, которая предала его.

Ножницы выпали из ладони, когда локоны больше не касались плеч.

Быть другой. Сломаться и тоже стать пустой. Как Оуэн.

Я пришла снова через неделю.

Второе свидание.

На мне была мешковатая кофта с капюшоном, куда раньше я часто могла прятать свои волосы. Теперь же они были короткими, чуть ниже подбородка. Они торчали в разные стороны из-за того, что я неровно отрезала их. Пусть Оуэн увидит, что я тоже изменилась, что бегу от себя и ненавижу.

Прошное место пустовало, и я опустила на него.

Тиканье часов заглушало удары сердца.

Я ждала.

Ждала даже тогда, когда двери открылись и среди заклю-

чённых не увидела Оуэна.

Проходили минуты. Затем часы.

Наше время шло, а он так и не появлялся. Люди рядом со мной разговаривали, плакали, смеялись. Кто-то даже показывал открытки через стекло, чтобы показать заботу и любовь.

А я сидела одна.

В конце концов ко мне подошёл охранник.

— Харрис не выйдет. Сказал, что не хочет вас видеть, МЭМ.

Я молча кивнула. Он был серьёзен, сказав, чтобы я больше не переступала порог. Оуэн знал, что эти встречи будут невыносимыми, поэтому отпустил меня.

Но мне не хотелось принимать эту потерю.

Так прошла ещё одна неделя. Я приходила каждый раз в надежде, что он выйдет. Но Оуэн молчал.

Все вокруг кого-то ждали. Кроме меня. Я была единственной, кто сидел с пустой трубкой в руке, глядя на дверь, которая не открывалась. Конвойные уже знали меня в лицо. Кто-то жалел. Кто-то раздражался.

Мне было всё равно.

Дни тянулись, как в бреду. Я перестала есть и спать, не зная, как лучше себя измучить.

Но в один момент я всё же сдалась, набрав номер его сестры. Оуэн не мог игнорировать её после стольких лет отсутствия.

— Холли, Он выходил? Ты видела его?

Девушка на другом конце провода замешкалась. Я знала ответ. Холли выждала паузу, но всё же тихо ответила мне, словно её кто-то подслушивал.

— Выходил. На прошлой неделе. Я была у него.

Вздых облегчения упал на плечи тяжёлым грузом.

— Скажи, как он? С ним всё хорошо?

Холли могла бросить трубку и заблокировать мой номер, ведь именно из-за меня они снова разлучились друг с другом. Но не стала.

— Он разбит. Ему тяжело, Кейтлин. Очень. Ты ранила его сильнее, чем кто-либо. И дело не в предательстве, а в том, что он всё ещё любит тебя. Это убивает его.

— Боже, — прошептала я.

— Кейтлин?

— Да?

Я перестала дышать, не зная, что она скажет. Моя душа уже была истерзана.

— Тебе стоит идти дальше. С болью или без неё, — сказала Холли.

Слова Холли крутились у меня в голове не одну ночь. Я понимала о чём она говорила. Если я решусь сдаться, то на смену любви придёт облегчение. Но если продолжу бороться, то боль станет моим другом. Легко не будет. Совсем.

Перепутье было слишком явным.

До встречи с Оуэном я без раздумий выбрала бы первый вариант. Самый простой. Я называла его побегом.

Только сейчас всё изменилось. Я не хотела бежать. Даже если путь к нашей любви будет проложен осколками, я буду ползти к ней на последнем издыхании.

Мне понадобилось пару дней, чтобы последний раз прийти к Оуэну без встречи. Я держала в руках альбом. На первой странице в нём лежали наши снимки — те, что мы делали с ним в первые месяцы: на песчаном берегу, яхте, киностудии, даже здесь в Чикаго. В самом конце были те, что сделала Холли. Дальше начиналась её история.

Наверняка я должна была отдать его совсем при других обстоятельствах и позже, но сейчас наше с Оуэном завтра было слишком размыто.

— Передайте Оуэну Харрису, — сказала я. — Скажите, что это от Кейтлин. Кейтлин Мэллори.

Охранник кивнул. Ни один мускул на его лице не дернулся. Он вышел к камерам, и позже, через десять минут вернулся. В руках он держал листок бумаги, сложенный вчетверо.

— Вам.

Рука потянулась и выхватила его. Я развернула и увидела всего одну строку. Это был почерк Оуэна — плавный, каллиграфический. Всё ещё тот, что я видела на черновиках.

Сцена печальная. Актёр ушёл. Занавес.

Я положила записку в карман, ничего не ответив, а затем

потянулась за билетом. Я купила его вчера вечером, чтобы улететь обратно в Нью-Йорк. Это не было конечной точкой, как Сидней. Разум твердил переждать бурю там, где нас ничего не связывало. И я подчинилась.

Солнечный свет упал на браслет и заиграл лучами по стеклянной стене снаружи здания. Единственное, что напоминало о том, кем я была.

— Ты справишься, — сказала я себе.

И не поверила.

Глава 5. Оуэн

Из сценариста я стал простым и безвольным персонажем. Раньше я был тем, кто придумывает миры, где каждый человек становился моей любимой марионеткой. Все его мысли и слова были моими. Я наделял персонажей своей душой. Они проживали то же, что когда-то пережил и я. Из множества историй можно было собрать одну мою.

Режиссер чужих судеб.

Теперь же было всё иначе. Моя жизнь стала заложником кого-то другого. Её расписали по минутам: подъём, завтрак, прогулки, работа, отбой. Каждая чертова минута безвольно-го выживания. Никаких просветов. Никакого выбора.

Я знал, что меня ждёт и был к этому готов. Но готовность и реальность разные вещи.

Когда я сбежал в Сидней, одиночество стало моим путником, и постепенно я научился с ним жить. Сейчас же оно стало настоящим, почти живым. Оно дышало мне в затылок, следовало за мной по пятам, ложилось рядом, когда я закрывал глаза.

«Ты здесь никому не нужен. Даже себе», — звучало громче голоса в голове.

Я не завожу друзей, держусь от всех подальше. В столовой ищу свободное место без лишних глаз; на прогулке стою у стены, всматриваясь в небо, которое не огорожено проволо-

кой. Любой человек здесь всего лишь прохожий, никак не играющий роль в моей жизни. Проходной этап. Один неверный взгляд или слова и вот ты втянут в чужую драму.

Я научился молчать.

И не придавать значение времени. Но цифры сами вели обратный отсчёт в моём разуме.

На четвёртый день, во время прогулки, ко мне подошёл парень с драконом на руке. Чернила почти стёрлись и были похожи на смазанный черновик, партак.

— Эй, сценарист, — окликнул он. — За что сел?

Я не ответил. Он навис надо мной, загородив серое небо.

Всех из сидевших здесь придурков интересовал один и тот же вопрос. Они собирались вынести мне свой вердикт и приравнять к какой-то касте. Этот заключенный походил на самого главного, кто управлял здесь.

— Я спрашиваю: за что? Или ты оглох? Могу помочь выбить всё дерьмо, чтобы ты слышал меня.

Его угрозы были смешны. Я посмотрел ему в глаза. Черные, пустые, как у всех здесь.

— За то, что спас, — сказал я. — И доверил сердце.

Сплетни обо мне и моём преступлении уже были известным всем, но ни один не упускал возможность спустить издёвку в разговоре со мной.

Парень моргнул. Потом рассмеялся — гулко, неестественно.

— Ты чё, поэт? Слышь, парни, тут у нас поэт! — крикнул

он в сторону скамеек.

Несколько голов как на подбор повернулись, когда к ним обратились.

Кто-то ухмыльнулся, кто-то сплюнул на пол.

— За то, что спас, — передразнил он. — В тюрьме все спасатели и все поэты. А по факту ты такая же мразь, как мы.

Его рука потянулась ко мне, чтобы ударить, но я вовремя остановил его.

— Пускай так. Но я не омрачнел до конца, так что отвали от меня. Найди себе другую пешку. Я не из таких.

Разжав запястье, я отпустил его резко вниз. Неуважительный и слишком бесстрашный жест, но даже при таких обстоятельствах я не собирался терять себя.

Парень отошёл, заполучив долю адреналина. Я запомнил его лицо. И он запомнил меня.

Отовсюду слышался шёпот. Меня окружали опасные преступники, среди которых оказался и я. Только они сидели за реальные дела — кражи, разбои, наркотики. За свой осознанный выбор. А я? Я убил человека восемь лет назад, защищая сестру. И спустя годы решил заплатить за это. За то, что перестал бежать.

Но разве это что-то меняет? Для них я такой же. Для себя — тем более.

Тело вздрагивало при любом шорохе, когда я проходил по коридорам. За каждым углом меня мог кто-то поджидать. Я не придумывал. Видел всё своими глазами и опасался того,

что могу стать следующим.

Места, где охранники оставляли нас без присмотра особенно кишели разбоями. Никто не постоит за тебя, кроме себя самого.

Я зашёл в душ вместе со всеми. Помещение было общим. кафельный пол, ржавые лейки. Вода почти всегда была холодной, но иногда можно было попытать удачи.

Закрыв глаза, я встал под одной из леек почти в самом углу. Струи били по лицу, плечам, смывая вместе с потом и пылью остатки сегодняшнего дня.

Все мылись молча, не издавая ни звука, пока один всё же не нарушил тишину.

— Харрис. Пора поквитаться или ты думал, что у тебя получится избежать кого-нибудь из нас?

Бритый стоял напротив. За ним трое его дружков, одного из которых я уже знал — Тень. Увидев, как бритый остановился возле меня, все стали постепенно уходить.

— Смотрю, ты у нас звезда. Все только и говорят о твоём киношном личике, — он ткнул пальцем мне в грудь. — А ну, расскажи мне сейчас, как это — быть белым воротничком среди быдла?

— Тебе может не понравится, потому что из всего, что я тебе скажу ты ничего не поймёшь, — из серьёзного взгляда показалась надменность. Я опустил его на глазах у тех, кто ему подчинялся, а значит только сильнее подлил масла в огонь. Бежать всё равно было некуда.

Он ткнул сильнее, почти пробив дыру в груди.

— Ты ещё крупно пожалеешь, что пошёл против нас.

— Тогда чего ты ждёшь?

Его палец уткнулся в ключицу, прямо туда где под кожей бился пульс. И что-то во мне щёлкнуло. Не от боли и страха.

От давления.

От того, что моя броня, которую я так тщательно выстроил — серая форма, пустой взгляд, механические движения — дала трещину. Этот урод не оскорбил меня. Он просто нажал на кнопку. И я взорвался.

В глазах помутнело. Я не помнил, как ударил первым. В голове сидел только звук, бесшумный. Его тишина оглушала насквозь.

Никакой злости и ненависти. Инстинкт самосохранения и механическая жестокость. Движения резкие и безжалостные.

Ладонь сжалась в кулак и ударила под дых парню, затем пальцы вцепились в мышцы плеч, чтобы удержать его в своей хватке. Колено нацелилось в пах, и дальше удары становились всё размашистее и сильнее. Бритый рухнул, и я навалился на него сверху. Его дружки оцепенели и только через время пришли в себя и принялись оттаскивать меня в другую сторону. Они втроём стали выбивать из меня дурь, пока из носа стала течь кровь. Я чувствовал, как кожа рвалась и на её месте стали появляться царапины и рубцы.

— Грёбанный псих, — выплюнул парень, пытаясь зали-

зять раны, оставленные мной. — Охрана!

Его мучительный крик был слышен отовсюду, что на шум сбегались все, кто только мог.

Меня ударили палкой по спине. Я пришёл в себя, когда на запястьях уже надели наручники.

— В карцер его, — сказал конвойный.

Меня поволокли. Я не сопротивлялся, только усмехнулся как сумасшедший. В чужих взглядах я видел растерянность и недоумение. Меня провожали с былым напряжением. На костяшках запеклась кровь. Моя или его? Плевать.

Внутри снова стало тихо. Броня затянулась.

На этот раз решётка была хуже предыдущей. Если в первой я находился в кромешной темноте, то здесь в полнейшем мраке. Ни лампы, ни окошка. Вокруг возрастали только бетонные стены. Тишина из-за них стояла такая плотная, что затягивало уши. Кровь в ищах стучала громче собственного дыхания.

Я сидел на голом полу в какой-то из непомеченных точек. Когда глаза привыкли к темноте, я подполз к стене, чтобы прислониться к ней спиной. Стук часов не доходил до этого места, счёт сбился.

— Эй, — раздался голос из темноты.

Я бегло осмотрелся по сторонам, впиваясь руками в плиточный пол.

— Кто здесь?

Сквозь черноту стала прослеживаться фигура. Крепкая. Мужская.

— Тот, кто тоже не выдержал. Чарльз. — Он уселся рядом, не спрашивая разрешения. — За что тебя?

Его слова были резкими и слегка прерывистыми. Сколько он уже здесь? Может он был здесь частым гостем, раз разучился почти говорить. Я мог только предположить, размышляя о его судьбе, на мгновение позабыв о своей.

— Драка, — я запрокинул голову назад. — Оуэн.

— А меня за то, что надзирателя обозвал. Неоригинально, правда ведь? Держи, — Из темноты вытянулась рука. В ней лежала сигарета и зажигалка. — Кури. Здесь не ловят.

Я не раздумывая взял его подношение. Пальцы задрожали от холода. Прокрутив папиросу как следует, я будто бы спрашивал себя – стоит оно того или нет. А затем последовала вспышка. Я вспомнил Кейтлин на причале. В тот день она наблюдала за тем, как я подвязывал яхты и выдыхала из губ едкий дым. Запах табака перебивал её духи.

Я никогда не курил, как бы дерьмово не было на душе и сердце. Странное табу и обещанное, данное самому себе.

«Если бы вместо сигареты были её губы, это убило бы намного сильнее», — повторил я себе, а затем щёлкнул зажигалкой.

Я щёлкнул зажигалкой. Маленький огонёк осветил лицо соседа. Им оказался молодой парень с разбитой губой и усталыми глазами. На вид он выглядел старше меня, или же всё

дело было в обстоятельствах, в которых он оказался. Они могли состарить его.

— Первый раз? — спросил он.

— Да.

— Ну, бывает.

Он не отводил от меня взгляда, пока я не затыкнулся. Горячий дым обжёг лёгкие. Кашель вырвался наружу, но я закрыл рот ладонью, чтобы меня не слышали. Вторая и третья затычка дались легче. Дым наполнял грудную клетку, разливаясь по венам жаром. Плечи расслабились, а вместе с ними и каждая клетка тела. Напряжение терялось в новых ощущениях. Первых и настоящих за столь долгое время. Хотя что-то, только не пустота.

— Мне это было нужно.

Чарльз одобритительно кивнул.

— Кури. Дым он честный. Он греет и жжёт, и ему плевать на твои мысли. В отличие от людей.

Я докурил до фильтра. Затушил о бетон и бросил в самый дальний конец карцера.

— Спасибо, — сказал я.

Парень не ответил, провалился в сон и захрапел на полу, поджав ноги к груди.

Оставшись один в темноте, я снова убедил себя в том, что физическая боль заменит мне душевную: костяшки саднили, лёгкие горели. И это было хорошо. Значит, что я ещё жив. Не совсем пустой.

Через три дня меня выпустили. Из меня словно выжали все соки.

Привыкнуть к свету оказалось намного сложнее, чем я думал. Ноги волоклись по поверхности едва удерживая меня на весу.

Хотелось есть. Спать.

Не дав мне снова войти в строй, конвойные отвели моё бесформенное тело в библиотеку.

Чтобы писать сценарии и продумывать сюжеты, я изредка брал уже готовые идеи у других авторов, переделывая их на свой лад. У меня было не так много произведений в общезнании в Сиднее. Вдохновение любило кино и жаждало только его. Я мог похвастаться своей дискографией, а не книгами на полках.

Я перешагнул порог небольшой пыльной комнаты с десятком стеллажей. Между рядами стояли столы со стульями, чтобы в свободное время здесь могли читать. Мне сразу швырнули в руки огромную стопку книг со старыми и потрепанными переплетами. Пыль на них уже выросла в обложку.

Всё, что от меня требовалось — перебирать книги по алфавиту и жанрам, в установленном порядке. Пальцы прошлись по корешкам: Диккенс, Хемингуэй, Де Сент-Экзюпери. Имена, которые что-то значили, когда я писал.

— «Справедливость не есть часть добродетели, а вся добродетель, и противоположность её — несправедливость —

не часть порочности, а порочность вообще», — раздалось за спиной.

Я обернулся. На стремянке стоял старый мужчина лет пятидесяти с обросшей бородой, седыми волосами, нахмуренными бровями и внимательным взглядом. Он читал книгу, пролистывая одну страницу за другой. Его лицо казалось мне знакомым. Мужчина часто попадался мне на глаза, когда читал на прогулке книгу и разговаривал сам с собой, бормоча что-то себе под нос.

— Аристотель, — ответил я, не поднимая глаз на название книги. Я знал эту цитату слишком хорошо. Именно она случайно попалась мне, когда я взял в руки карандаш, чтобы написать первую строчку.

— Всё верно, — он улыбнулся. — Не бойся, я не кусаюсь. Только цитирую. Очень много. Все называют это проблемой, а я талантом.

На его бейджике было написано имя — Дэнни.

Он спустился, провёл пальцем по корешкам, которые я только что расставил и продолжил свою историю, словно мне было какое-то до неё дело.

— Знаешь, я ведь не просто так цитирую. Я раньше работал в театре осветителем. Видел, как рождаются спектакли. И как умирают.

Я молчал. Знал, что его размышления зайдут слишком далеко, чтобы задеть и меня тоже.

— Такая красивая ложь, — он обвёл рукой стеллажи

и стал рвано проговаривать слова вместе с паузой, накаляя воздух между нами. — Завязка, кульминация, катарсис. Справедливость. Любовь. Смысл. Это всё выдумка для слабых, что не могут вынести уродства реальности. Правда?

Он посмотрел на меня, а я отвёл взгляд на книги.

«Такая красивая ложь», — повторил голос внутри меня.

Я взял с полки томик Экзюпери «Маленький принц». Простая сказка о любви, о верности, о розе, которую ты приручил.

Какая чушь.

Я приручил Кейтлин, а она вырвала сердце и растоптала его. Не потому что боялась или не любила меня. Нет.

Потому что такова реальность: люди предают. Даже те, кто дорог твоему сердцу. Они быют сильнее всего и к этому нельзя быть готовым.

Я швырнул книгу в стену и она раскрылась на полу на самой последней странице со словом «конец». Дэнни не вздрогнул.

— Нервничаешь, библиотекарь?

Мужчина попал точно в цель и это вывело меня из себя. Вzbесило до потери пульса.

— Черт! — взмолился я, решив, что продолжить дискуссию станет лучшим вариантом. Мне нужен был собеседник. — Ты прав. Всё это — кладбище красивых иллюзий. И мои сценарии годятся туда же. Я писал истории о любви, которая побеждает всё. О героях, которые не сдаются. А сам сдался.

И она сдалась.

Дэнни подошёл ближе, похлопав меня по плечу. Я знал, что он не причинит мне вреда.

— Твоя девушка права. Не смотри на меня так. Она показала тебе изнанку сценария. Тот хаос, что всегда скрывается под красивой обложкой. Ты верил в искусство, а она показала тебе жизнь. И жизнь оказалась уродливее.

В его глазах виднелось понимание или же я сам придумал его себе, чтобы не ощущать одиночество.

— Да, — выдохнул я тихо. — Никакой третьей кульминации. Только титры.

— Титры — тот же «Конец», — кивнул Дэнни. — Без музыки. Без аплодисментов.

Теперь книги походили больше на надгробные плиты, а не инструкцию к спасению разбитого сердца.

Я с замиранием ждал ночь. Только под светом луны Кейтлин являлась ко мне. Поначалу эти вспышки казались безобидными и тёплыми воспоминания. Но с каждым разом они омрачались моей злостью к ней. На смену любви приходило что-то иное. Жестокое и удушливое. Разум вставал на сторону дьявола и молил, чтобы я выбросил девушку из сердца. Оно не сопротивлялось и это убивало меня.

Я просыпался в холодном поту, надеясь, что она спит рядом со мной. Её улыбка и пронзительные синие глаза прослеживались в тени на стене.

«Ты чертов слабак, Оуэн!» — я злился на себя.

С этого всё и началось.

Во мне просыпалась ненависть, которую я скрывал годами. Сначала она жила в словах, а теперь витала повсюду, куда бы я не взглянул. Любой звук — кашель соседа за стеной, шаги конвойного в коридоре, лязг ключа, заставлял меня сжимать кулаки. Я хотел крушить. Рвать. Бить.

Чтобы заглушить это, я пробовал писать. Мне всё ещё казалось, что у меня получится справиться, как и прежде, просто выплеснув эмоции на бумагу. Каждую неделю я забирал оборотные листы с библиотеки и складывал их под кровать. Один лист за другим. Стопка росла, а нужные слова так и не находились. Я брал ручку и попросту смотрел в пустоту. Я не мог. Каждая буква казалась ложью. Каждая фраза — дешёвым сценарием.

Тогда я стал ходить в спортзал. Бил грушу и избавлялся от гребанных мыслей. Они казались хуже тюремной клетки. Я пропадал там часами, когда появлялась хотя бы одна свободная минута. До жжения. До боли.

Теперь я точно был уверен: Кейтлин стала моим кошмаром. Не той девушкой, которую я любил, а той, кто разрушил мою веру. Возможно, чертовой веры даже не существовало, и она сказала мне об этом без всякого сожаления.

Ненавидел её за это. И себя — за то, что всё ещё люблю.

Я стал привыкать к этой системе. Всё стало намного про-

ще, когда я научился отключать чувства. Не чувствовать страха, когда на тебя смотрят враги. Не чувствовать боли, когда бьют. Не чувствовать тоски, когда вспоминаешь её.

Когда я в очередной раз наводил порядок в библиотеке, зашёл Дэнни и сел в продавленное кресло напротив меня. Он долго молчал, а затем сказал:

— Знаешь в чём проблема твоего метода? Ты убиваешь себя сильнее, просто пока не замечаешь этого. Ты хоронишь чувства заживо, а не отпускаешь их. Они медленно гниют и рано или поздно завладеют тобой безвозвратно, что ты не сможешь сопротивляться.

Я не ответил. Поставил на полку очередной томик. На этот раз Достоевского «Преступление и наказание. Раскольников тоже думал, что можно переступить, отключить совесть, а кончил на каторге с библией в руках.

— Я просто не знаю другого способа, Дэнни.

— А ты пробовал не отключать, а принять? Они часть тебя. Не прячь их. Может они вовсе и не враги, как ты думаешь.

— Поэтому ты сам убегаешь от реальности в книги и цитируешь их?

Мужчина усмехнулся.

— Может быть. А ты поэтому стал роботом? Чтобы не чувствовать?

— Что ты хочешь сказать?

— Я вижу движения механические, голос ровный. Тебя

не проймёшь.

Мы оба были с ним на кладбище иллюзий. Но впервые я подумал: а что, если иллюзии нужны не для того, чтобы врать, а для того, чтобы выжить? Что, если без них человек просто рассыпается?

Я посмотрел на свои руки, на шрамы на костяшках, а затем достал из кармана браслет и прокрутил его перед собой.

Кейтлин не была иллюзией. Она была реальной. И боль, которую она причинила,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.